

Новая книга по нартоведению

Отклик на монографию М.Ч. Джуртубаева «Происхождение нартского эпоса». – Нальчик: 000 «Тетраграф», 2013. 802 с.

Наше время стало ассоциироваться со вседозволенностью, прикрытой демократической ширмой. И эта вседозволенность проявляется буквально во всех сферах общественной жизни. Как пример можно привести ситуацию с издательским делом, когда при полном отсутствии какой-либо компетенции люди, позиционирующие себя как писатели и ученые, считают себя вправе издавать свои «труды» с претензией на объективность, демонстрируя при этом полное невежество в излагаемом вопросе. Причем подобные опусы больше можно наблюдать в гуманитарной сфере, поскольку для создания трактатов по точным наукам требуется определенный минимум специальных знаний. Происходящие сегодня процессы в гуманитарной науке можно характеризовать как парад некомпетентности и непрофессионализма, представляющих серьезную угрозу академической науке страны в целом.

За последние десятилетия, особенно в постсоветское время, на Северном Кавказе, наряду с серьезной наукой, которым занимаются в академических НИИ, пыльным цветом начала расцветать псевдонаука, которая в «революционном» угаре легко опровергает ставшие уже хрестоматийными базовые основы исследуемых тем, смело перекраивает историческое и культурное прошлое народов региона, их духовное наследие. Задавшись целью возвеличить историческую значимость своего отдельно взятого этноса, и, как правило, себя, подобные исследователи демонстрируют в своих работах прежде всего поверхностное знание вопроса и небрежное отношение к истории.

И поскольку древняя история Северного Кавказа представлена в основном скифами, сарматами и аланами, а самым значимым фольклорным наследием является нартовский эпос, истинные баталии развернулись именно вокруг этого предмета. Любой новоявленный ученый считает своим долгом начать научную карьеру именно с ревизии вопросов, связанных с наследием скифо-сармато-алан и возникновением нартовских сказаний. Целью этой бессмысленной полемики является «приватизация» вопроса, привязка его к определенному этносу, представителем которого, как правило, является автор «открытия».

В последнее десятилетие литературы, в которой факты истории преподносятся в искаженном виде, вышло немало. В большинстве подобных изданий радикально пересматрива-

ются история и фольклор осетинского народа, основывающиеся на истории скифо-алан и нартовских сказаниях.

Весьма часто появляются работы, в которых противопоставляются ираноязычные и тюркские народы. Попыткой отуречить скифов, сармат и алан занимались карачаево-балкарские ученые К. Лайпанов, затем И. Мизиев и У. Байрамкулов, а ныне эту идею упорно проталкивают М. Джуртубаев и Т. Муллаев и др. Для того чтобы иметь представление о характере подобных исследований, достаточно ознакомиться с последним трудом М. Джуртубаева под названием «Происхождение нартского эпоса» (Нальчик, 2013 г.). Человек, который более менее знаком с историей вопроса, будет неприятно удивлен тем, с какой легкостью и безосновательностью автор внушительного восьмисотстраничного фолианта подходит к вопросам генезиса осетинского народа. Нижеследующия заметки касаются лишь незначительной части оспариваемого в книге материала. Откровенно говоря, для более подробного анализа сего труда нет желания, однако мы считаем, что подобные издания не должны оставаться без должной реакции.

При первом знакомстве с книгой чувствуется, что автор ориентируется в основной нартоведческой литературе, пытается анализировать ее; не откажешь ему и в правильных акцентах в некоторых остающихся спорными вопросах. Но в целом впечатление от прочитанного не радостное.

Довольно часто, при знакомстве с новой концептуальной проблемой, доводы автора концепции заставляют о чем-то призадуматься, усомниться в своих убеждениях. Однако более подробное знакомство с объемным фолиантом М. Джуртубаева вызывает чувство разочарования и удивления: до какой степени человек должен быть в плену собственных иллюзий и предвзятости, чтобы идти так напролом, низвергая все и вся на своем пути. Можно ли выступать против сложившейся исторической истины, к которой приходили столетиями целые поколения выдающихся умов, полностью, без остатка посветивших себя исторической науке, выводы которых являются общепризнанными? В этом перечне авторитетов мирового масштаба есть такие корифеи, как М. Ростовцев, Э. Грантовский, Г. Бонгард-Левин, Г. Бейли, Г. Вернадский, Б. Граков, В. Миллер, Д. Раевский, М. Погребова, Е. Кузьмина, Ж. Дюмезиль, Б. Бахрах, В. Кузнецов, А. Алемань, Ф. Кардини..., разве всех пере-

числишь. Я сознательно опускаю имя В. Абаева и других осетинских ученых, дабы не быть обвиненным в предвзятости.

Вопрос о происхождении осетинского народа – один из сложнейших в историческом кавказоведении. Довольно долгое время над этой проблемой работали целые поколения ученых, дважды собиравшиеся на специальные форумы (в 1966 и 2013 гг.). В итоге академическая наука признала ираноязычность осетин и участие скифо-алан в их формировании. И всего лишь одним росчерком пера М. Джуртубаев перечеркивает «измышления» миллеров, оранских, абаевых и выдает свое видение этногенеза осетин в виде даже не гипотезы, а аксиомы. Согласно М. Джуртубаеву, киммеро-скифо-сарматы-аланы не являются признанными этногенетическими и непосредственными предками осетин, они – тюркоязычные предки карачаевцев и балкарцев и являются древнейшим, автохтонным населением центральной части Северного Кавказа (с. 303). Никто из выдающихся ученых мужей до сих пор даже не догадывался, что современные осетины: куртатинцы, тагаурцы, алагирцы, кударцы, дигорцы и другие ветви осетинского народа – турки-автохтоны (с. 409). Далее еще интереснее.

Опять-таки согласно автору, без ссылок на какой-либо источник, в конце XVII в. (вариант – в XVII–XVIII вв.) в нынешнюю Южную Осетию с юга, после очередной грузино-иранской войны, пришел отряд (группа?) военных поселенцев – иранцев, которые поселились на гребне кавказского хребта (с. 441). Переселенцы обучили иранскому языку сперва, вероятно, кударцев, а потом туалъцев, дигорцев и др. М. Джуртубаев утверждает, что они и есть современные осетины. Вот так просто и доходчиво автор объясняет генезис осетин. Неизвестно, для чего лучшие ученые-историки столетиями бились над этой проблемой, когда вопрос, оказывается, решается так просто.

Весьма интересен этногенез дигорцев в трактовке М. Джуртубаева. Оказывается, дюгеры (дигорцы) когда-то были тюркоязычными аланами, которые разделились после разгрома войск Тимура. Затем они постепенно лишились своей территории, которую заселили горцы-вайнахи. В XVIII в. предки дигорцев ассимилировались с ними (с. 290–291). И это только начало. По одной его версии дигорцы были иранизированы наравне с куртатинцами и др., по другой – были иранизированы позднее.

В связи с вышеизложенным возникает множество вопросов к автору. Когда, кем и какие доказательства предъявлены в пользу того, что турки – древнейшее автохтонное население Кавказа? Что за военную колонию (десант) создали власти Ирана, когда это случилось (не может быть,

чтобы его след нигде не остался, ведь речь идет о недавнем прошлом), ее численный состав, место дислокации? Какими приемами скоростного обучения иностранному языку они пользовались, что местное население (тюркоязычные аборигены – тагаурцы, куртатинцы, кударцы, дигорцы), разбросанно жившее в непроходимых ущельях современной горной Северной и Южной Осетии, так быстро поголовно усвоило чужой язык? Как они смогли напрочь забыть родной тюркский язык? Почему одновременно с языком иранцы не распространили на кударцев и куртатинцев свою религию – ислам? Каким образом до XVIII в. живущие значительно севернее кавказского хребта кумыки распространили на жителей Осетии ислам, тогда как в подавляющем большинстве осетины сегодня – православные? Все эти и множество других несуразностей на страницах книги остаются под большим вопросом.

Работа полна взаимоисключающих положений. Автор высоко ценит осетин («один из самых заметных и ярких этносов»), восхваляет осетинские нартовские сказания на все лады, подчеркивая их преимущества. На странице 31 он отмечает, что осетинские сказания раньше привлекли внимание ученых и что в отличие от других версий в них ясно прослеживаются черты быта и история скифо-алан. Свою роль сыграли, как он пишет, «высокие художественные достоинства осетинского эпоса и его огромные сюжетные богатства и объем опубликованных текстов». На странице 311-й М. Джуртубаев вновь возвращается к этой теме и дает ее в более развернутом виде. «Читая дореволюционные записи и публикации осетинского эпоса, можно только восхищаться. Не только их объемом, но и относительно первых его собирателей, своей деятельностью являя пример для подражания будущим поколениям фольклористов. Благодаря своевременной и добросовестной фиксации, осетинские сказания изобилуют этнонимами, топонимами, этнографическими деталями, выделяются богатством фольклорных мотивов и сюжетов. Следует отметить и красноречие осетинских сказителей, которым они награждают и своих героев, что особенно бросается в глаза при сравнении с остальными версиями Нартиады. Мы несколько не преувеличим, если скажем, что объем прямой речи в 15–20 осетинских текстах равен объему прямой речи во всем карачаево-балкарском или адыгском или вайнахском эпосах». Одним словом, по всем возможным параметрам («художественные достоинства», «огромные сюжетные богатства», «богатство эпических мотивов», «красноречие сказителей») осетинские нартовские сказания, по трактовке автора, превосходят все другие версии эпоса, в том числе карачаево-балкарские.

Сложно с этими дифирамбами увязать основную безапелляционную канву книги: основа основ Нартиады – карачево-балкарские нартские сказания, творцами основного ядра Нартиады являлись предки карачаево-балкарцев – скифы и аланы (с. 71). «Будучи древнейшими, автохтонными обитателями Северного Кавказа, киммеро-скифо-сармато-аланские тюркоязычные предки карачаевцев и балкарцев были и творцами нартских сказаний» (с. 303). Далее, для того чтобы не обидеть родственников, тюркоязычных болгар, автор объявляет создателями нартского эпоса алано-болгар (с. 778).

Что касается других носителей нартских сказаний (осетин, адыгов, абхазов), то они, согласно его логике, просто переняли сказания от карачаево-балкарцев. Все предложенные до него мнения о скифо-аланском ядре эпоса, по М. Джуртубаеву, были «возведены на песок» (с. 830).

Главным аргументом принадлежности ядра эпоса карачаевцам и балкарцам является то, что у них будто больше песенных вариантов эпоса. «Предки осетин-иронцев, придя на Северный Кавказ из Ирана в XVII–XVIII вв. и ассимилируя тюрков-автохтонов (туальцев, куртатинцев, тагауров, дигорцев), усвоили их эпос постепенно, в период ирано-тюркского двуязычия, но не успели вжиться в него настолько, чтобы изложить эпические песни на своем (т. е. иранском. – Л.Ч.) языке» (с. 318). В итоге М. Джуртубаев утверждает, что у осетин почти нет песенных вариантов сказаний, так как они – наследие их тюркских предков («автохтонного населения Осетии, подвергшегося иранизации» (с. 341). Во-первых, наличие песенного варианта не может быть решающим при определении ядра эпоса. Во-вторых, это неправда. Расхваленные выше красноречие сказителей и художественные достоинства осетинских рапсодий проявлялись при музыкальном сопровождении сказаний. В прошлом сказители в Осетии даже соревновались, кто на музыкальных инструментах лучше исполнит сказание. Ниже приводится первая песнь, с которой лучшие древние сказители всегда начинали «Сказания о нартах»:

*«О почтенные старшие и милые младшие!
Послушайте игру моего фандыра,
О, подпевайте песне старины!
Давно, очень давно, во времена предков,
Когда между небом и землей еще была связь
(единение),
Боги с небес (букв. – небесные «задта»)
в то время на землю спускались,
Жители же земли на небо поднимались....»*

Музыкальное сопровождение на хъисын фандыре и 12-струнном фандыре занимало в быту

такое важное место, что обычно при соревнованиях певцов-сказителей звучали различные мелодии сказаний о Батрадзе, Сослане и т. д. А такое бывает только тогда, когда эпос рождается в живом быту народа и является органической частью его души.

Весьма интересно следующее: если осетины до XVIII в. были тюрками и иранцы (военные поселенцы) от них восприняли лишь отдельные элементы эпоса, то, стало быть, Осетия была периферией для эпоса в сравнении с Карачаево-Балкарией. А тут получается наоборот: на месте изначального возникновения (в Карачаево-Балкарии) эпос проявляется слабее, чем на периферии (в Осетии). Однако вопреки всякой логике господин М. Джуртубаев заявляет: «Всеми чертами эпопеи обладают только карачаево-балкарские сказания». На каком же основании он утверждает, что ядро эпоса возникло в карачаево-балкарских сказаниях? Неужели мы не должны считаться с элементарной логикой?

Еще одно новшество труда М. Джуртубаева, на которое бы хотелось обратить внимание. По всему фолианту разбросаны фразы вроде: «Осетины к скифам никакого отношения не имеют», «Скифы и аланы были тюркоязычными племенами и никем другим быть не могли», «Шаткость аргументации нартведов-иранистов», «Творцами основного ядра Нартиады являлись тюркоязычные предки карачаево-балкарцев – скифы и аланы» (с. 51,71), «Скифо-сармато-аланы – предки тюркских народов-автохтонов Восточной Европы» (с. 26), «Тюрки – это скифо-аланы» (с. 27, 60). При этом тюркоязычные предки карачаевцев и балкарцев именуется по-разному: в одних случаях – «киммеро-скифо-аланы», в других – «гунно-аланы-болгары»...

Вместо научно аргументированного обоснования своего несогласия с критикуемым им автором в книге часто встречаются утверждения, видимо подражая Геббельсу о том, что «многократно повторенная ложь становится истинной»....

Далее. В опусе допускаются нелепые и голословные заявления, касающиеся исторического прошлого Осетии. Оказывается, иронский Уастырдж и дигорский Уаскерги – это разные божества (с. 324). Чтобы оспорить осетинское происхождение Давида-Сослана, автор этимологизирует не настоящее имя царевича (Сослан), а церковное (Давид). По его логике, Давид-Сослан не кто иной, как тюркок-алан по имени Дебет (солнечное божество золотого Дебета (Дыбет), т. е. кар.-балк. «огнеликий» (с. 693). Автор решительно отмечает алано-абхазские и алано-мегрельские культурно-исторические взаимоотношения, тождество этнонимов овсы (груз.) и осетины-иронцы (с. 26). Опровергая

мнение выдающихся грузинских нартоведов Ш. Дзидзигури и Е. Вирсаладзе, утверждая, будто к грузинам-горцам нартовские сказания проникли не через алан-осетин, а от тюркоязычных киммеро-скифо-алан (?) (с. 303). Между тем В.И. Абаев специально изучил осетино-сванские фольклорные и языковые схождения и выявил сильное влияние осетинской версии Нартиады на сванские сказания в своей известной монографии «Осетинский язык и фольклор».

Поражает смелость, с которой автор книги дискутирует с научными авторитетами, до которых ему ой как далеко. Не особо церемонясь, свергает с пьедестала всех ученых, не разделяющих его псевдонаучные измышления. Всем, кто не разделяет точку зрения М. Джуртубаева, достается, вплоть до обвинения в неискренности, научной нечистоплотности. С одной стороны, он называет своих оппонентов великими, выдающимися, талантливыми, эрудированными, с другой – там, где расходятся позиции ученых с его фантазиями, бесцеремонно их отчитывает, словно равных себе. Критикуя позиции оппонентов, он, опираясь на богатейшие духовные кладовые карачаево-балкар, выставляет в противовес собственные версии: мифологию, этимологические штудии, космологические представления и космогонические мифы, в собственной интерпретации, выдавая свое видение за истину в последней инстанции, игнорируя ссылки на источники и литературу.

Раскритиковав позиции В.Ф. Миллера по вопросам этногенеза осетинского народа и по Нартиаде, М. Джуртубаев пишет, что созданная ученым картина представляла собой полный абсурд, поскольку сплошь состояла из противоречивых предположений. Попытки автора книги конкретнее обосновать претензии к выдающемуся ученому весьма шатки.

Больше всего от М. Джуртубаева досталось В.И. Абаеву. С одной стороны, он пишет, что Василий Иванович был «исключительно трудолюбивым, эрудированным и талантливым ученым, а как исследователь на голову превосходит всех своих потенциальных оппонентов». Разумеется, последнее не относится к самому М. Джуртубаеву, который фактически не оставил ни одно из предложенных В.И. Абаевым этимологических или лексических выкладок без критики. И формула везде одинакова: все, что объясняет ученый на основе осетинского, для М. Джуртубаева – карачаево-балкарское, он смело вносит поправки и в переводы В.И. Абаева с тюркского. К примеру, по В.И. Абаеву «Барастыр» переводится как «наделенный властью», а М. Джуртубаев настаивает на карачаево-балкарских корнях этого имени, в значении «всех хоронящий» (с. 325). По нему же значение слова «уац» осетинам ни-

когда не было известно. Таких примеров в книге десятки.

Автор рассматриваемого труда обвиняет Василия Ивановича в том, что, увлекшись монголизацией нартовских сказаний, тот сознательно уводит нартоведов в сторону от бесчисленных фактов, свидетельствующих о тюркском происхождении эпоса (с. 57). М. Джуртубаев пишет: «Приходило ли ему в голову, что скифо-сармато-аланы – это и есть печенеги, половцы и другие тюрки (обрусевшими потомками которых являются русские казаки), сказать трудно (скорее всего он это знал)» (с. 340). Видите ли, Абаев знал, что скифы – тюрки, но сознательно скрывал это, скрывал и факты, показывающие и доказывающие тюркское происхождение Нартиады (с. 359), а у карачаевцев и балкарцев после 14-летнего геноцида и депортации не было возможности взрастить свои научные кадры. Как видим, в лице М. Джуртубаева с кадрами теперь все вышло. И это еще не все об В.И. Абаеве: он ставит его на одну доску с Гадагатлем: видите ли, оба они неистово доказывали приоритет своих национальных версий эпоса (с. 52). Говоря об В.И. Абаеве, М. Джуртубаев называет его романтиком в душе, отмечает, что он глубоко чувствовал мощную поэзию Нартиады. Это было бы его преимуществом, говорится в книге, если бы не одно «но» – его чувства и романтизм часто приводили к преувеличениям (с. 340).

Весьма интересно отношение М. Джуртубаева к своему главному оппоненту – Ж. Дюмезилу. Не имея научных аргументов против позиции по эпосу маститого академика, он избрал другую тактику: соглашается с его взглядами, но с оговорками. Оглашая его основную концепцию о ядре эпоса, М. Джуртубаев пишет: «Все это, на наш взгляд, бесспорно, и сомневаться в честности и научной объективности великого ученого, разумеется, нет никаких причин. Но... как и все исследователи, свято верующие в безупречность канонической версии истории, он не сомневался в том, что скифо-сармато-аланы говорили на «североиранском» языке и что единственными потомками являются современные осетины» (с. 65). Писать подобное о Ж. Дюмезиле значит совершенно не знать его.

На этом критика взглядов Дюмезила, который больше, чем кто другой, отстаивал ираноязычность осетин и принадлежность им основного ядра эпоса, была исчерпана. Наш автор также снисходительно прощает Мюллendorфу, Фасмеру и другим крупным ученым их «заблуждения», они, по его словам, «были в плену ложного представления об этногенезе осетин, считая их потомками скифо-алан»(?!).

М. Джуртубаев прав, называя Ю. Гаглойти выдающимся осетинским нартоведом, соглаша-

ется с ним там, где он критически анализирует труды адыго-абхазских и вайнахских нартоведов, но достается и ему, когда доходит до анализа карачаево-балкарских сказаний. Аналогичное происходит и в отношении В. Кузнецова, которого автор справедливо называет великим археологом, но голословно не разделяет его позицию по нартовскому эпосу.

Десятки раз в разных местах книги автор поносит «академическую науку» за то, что она, опираясь на «бредовые» теории, почти два столетия уверяет читателей, что скифо-сармато-аланские племена говорили на североиранском языке и что их прямыми потомками являются осетины. Оказывается, в фарватере мифотворческой академической науки идут осетинские нартоведы, уже два столетия пытающиеся иранизировать нартов, вопреки множеству очевидных фактов.

Наш незадачливый автор вовсе запутался в аланах. Сначала он утверждает, что «все аланы – тюркоязычные», что «аланы (и скифы) никакого отношения не имеют к осетинам» (с. 406). Запямятовав, видимо, об этом, М. Джуртубаев далее обнаружил в аланах восточных и западных, и оказывается, что «восточные аланы» в одном случае являются тюркоязычными предками осетин» (с. 757), в другом – язычниками (предками осетин). Выше М. Джуртубаев отмечал, что осетины сформировались от смешения тюркоязычных куртатинцев, кударцев, туалцев, дигорцев с иранскими переселенцами, а на странице 768 осетины оказываются потомками алан-язычников? Непосредственно же родословная карачаевцев и балкарцев восходит не ко всем скифам, а именно царским (как же можно родниться с рядовыми!), названным их прямыми предками (с. 4), хотя мы не обнаружили ни одного веского аргумента в пользу такого утверждения. Просто М. Джуртубаеву захотелось иметь престижных предков, и он их нашел, «присвоил».

Знакомясь с книгой от страницы к странице, я с любопытством искал научную аргументацию автора «революции» в историческом кавказоведении – каким же образом известные всему образованному обществу иранские племена киммеро-скифо-сармато-алан превратились в тюркоязычных предков карачаевцев и балкарцев. Наконец, дочитал книгу до 31-й главы под многообещающим названием: «История». Да простит меня читатель, но как ни старался вникнуть в содержание главы, никакого утешительного ответа там не нашел. Не было заметно даже попытку автора обосновать свои научные новшества.

Наш неутомимый исследователь, наверное, на этом не прекратит свои занятия. Поэтому, хотя он и пренебрегает академической наукой, я все же решил повторить для него некоторые

азбучные истины. Усердно рекомендую ему познакомиться с солидным изданием Института языкознания РАН, в котором черным по белому написано, что первыми из тюркских племен на запад от Каспия вторглись гунны в 70-х г. IV в. (Тюркские языки. Серия: Языки народов мира. М., 1988. С. 53). Из этой книги М. Джуртубаев мог бы почерпнуть для себя, что карачаево-балкарский язык относится не к иранским (как ему очень хочется), а к кипчакско-половецкой подгруппе кипчакской группы тюркских языков (Там же. С. 272). Что касается носителей этого языка, кипчаков-половцев, т. е. тюркоязычных предков карачаевцев и балкарцев, то они встречаются в исторических документах, лишь начиная с середины XI в. (Там же. С. 110).

Наибольшее недоразумение вызывает история с иранскими военными колонистами.

Во-первых, таких путешественников и ученых, как Ф. Шпигель (на ошибочную трактовку этногенеза осетин которого опирается наш автор), Ф. Зичи, в XVIII–XIX вв. Осетию посетило немало. Подобно Шпигелю, и они высказывали свои суждения об осетинах. Так, И.А. Гюльденштедт назвал нас половцами, В. Пфаф – семитами, соотечественники Ф. Шпигеля – А. Гагстаузен, К. Ган, К. Кох – немцами, Дюбуа де Монпере – угро-финнами и т. д. Все эти мнения, в том числе Шпигеля, были результатом поверхностного знакомства с народом, легковесными. Потому этногенетические выкладки («теории») этих исследователей не имели научной базы и остались теориями в кавычках. Учеными, взявшими на себя труд основательного изучения языка и истории осетин, они были проигнорированы и отброшены прочь как ненаучные.

Выдающихся ученых – специалистов по иранским языкам немало, однако среди них особо выделялся акад. И.М. Оранский. В одной из своих последних книг «Введение в иранскую филологию» (М., 1988) (книга и по настоящее время является справочником по иранским языкам) ученый усмотрел в истории развития иранского языка три этапа: древнеиранский (нач. 2-го тыс. до н. э. – IV–III вв. до н. э.), среднеиранский (IV–III вв. до н. э. – VIII–IX вв. н. э.) и новоиранский (с IX в. по настоящее время). Предок осетинского языка отделился от своей первоосновы на древнеиранском этапе развития языка. Тогда еще (на древнеиранском этапе) языковая общность существовала, но свелась до крайнего минимума на следующем, среднеиранском этапе развития языка. А вот новоиранский язык, на котором говорят современные иранцы, абсолютно ничего общего больше не имеет с осетинским языком. Если бы мифические измышления об иранских колонистах Шпигеля и Джуртубаева оказались явью, осетины сегодня говорили бы на иранском

(персидском) языке, который, повторяем, ничего общего не имеет с современным осетинским литературным языком, относящимся, вместе со скифским, сарматским и аланским, к восточной подгруппе иранской группы индоевропейской семьи языков.

Если бы М. Джуртубаев был в дружбе с академической наукой, он бы вычитал из той же книги И. Оранского ставшие научной аксиомой слова: «Предки современных осетин – аланы византийских источников, ясы, оси русских и грузинских источников – известны на территории Приазовья, Причерноморья, Северного Кавказа с глубокой древности... осетинский язык является прямым продолжением языка скифо-сарматских племен» (Там же. С. 306–307). Как ни странно, М. Джуртубаев не ссылается на труды ученых, занимавшихся этногенезом карачаево-балкарцев, даже не упоминает о научной сессии по этногенезу балкарцев и карачаевцев, состоявшейся в Нальчике в 1959 г.

Если бы М. Джуртубаев, прежде чем производить сенсационный переворот в науке, познакомился с основополагающими трудами по проблеме, наподобие выше процитированных, то, видимо, он бы одумался и не вводил в заблуждение ни себя, ни несведущих читателей своими многостраничными книгами.

Закончить же хотелось рассуждениями самого Джуртубаева о научных концепциях. «Одна из концепций – пишет он, – получает преобладающее влияние не столько благодаря истинности суждения, сколько благодаря высокому авторитету его сторонников. Ваша концепция правильна, но не получит признание потому, что у вас никакого авторитета нет и вы никто в науке» (с. 96). Не обижайтесь, но Вы правы: и с авторитетом, и с местом в науке у вас всегда будут проблемы, если не перестанете путать научную фантастику с подлинной наукой. Книги, подобные Вашей, не только ненаучны, но и приносят огромный практический вред обществу, ибо, по сути своей, они работают не на сближение народов, а ведут к межнациональному обострению, что нам сегодня совсем не нужно.

У читателя может возникнуть вопрос: а стоила ли подобная книга такого внимания? Да, стоила! Положительный ответ обоснован мудрым изречением историка М. Блока: «Дурно продиктованная история, если не остережешься, может в конце концов возбудить недоверие и к истории, лучше понятой». Остается сожалеть, что подобных публикаций становится все больше и они сильно влияют на подсознание несведущего читателя.

Сегодня значительным слоям карачаево-балкарского общества уже достаточно внушили, что аланы были тюркоязычными племенами и являлись предками исключительно карачаево-

балкарского народа, что Западная Алания с Нижним Архызом – их исконная территория. Это ложное мнение настолько распространилось в обществе, что в Архызе решено воздвигнуть памятник, на пьедестале которого будут выведены слова: «Создателям великой аланской культуры от благодарных потомков карачаевцев и балкарцев». Ни больше и не меньше!

Ираноязычные предки осетинского народа – аланы были самым многочисленным народом Северного Кавказа. При этом политически были настолько организованным, что в X–XII вв. имели свою государственность, границы которой простирались от верховьев Кубани до границ Дагестана. Аланы приняли участие в этногенезе адыго-абхазов, вайнахов, народов Дагестана. Однако наибольшая доза аланской крови течет в жилах карачаевцев и балкарцев, сформировавшихся как народность в XIII–XIV вв. из смешения тюркоязычных племен (преимущественно половцев-кипчаков) с оставшимися на этой территории после татаро-монгольского погрома аланами. Потому на Северном Кавказе осетины, карачаевцы и балкарцы генетически самые близкие народы. Мы, представители интеллигенции, всячески должны способствовать дальнейшему развитию родственных связей, брать из нашей совместной истории все, что способствует сближению и укреплению дружественных взаимоотношений, а не искать в ней несуществующие пассажи, которые бы отдаляли нас друг от друга, вбивали бы клин в наши взаимоотношения. Уверены, издание подобной низкопробной литературы и установление памятников с такими претенциозными надписями чревато непредсказуемыми последствиями. В этой связи важнейшей задачей научной интеллигенции Северного Кавказа должно быть всемерное укрепление дружественных межнациональных отношений, иначе нас может ожидать нечто подобное происходящему сегодня на Украине.

PS Отрадно, что не все ученые Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии разделяют бредовые идеи. Отмечая на тенденциозное письмо М. Джуртубаева, Председатель оргкомитета Международной научной конференции по этногенезу, истории языка и культуры карачаево-балкарцев (ноябрь 2014 г, Москва) Н.Д. Каракетов посоветовал ему прекратить пагубный опыт «самолюбования», публикации ненаучных, порой бездаказательных штудий.

Л.А. Чибиров,
д. и. н., профессор;
А.Л. Чибиров,
к. и. н, н. с. СОИГСИ.